

К ВОПРОСУ О САКРАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА КАГАНА¹

© 2022 г. З.С. Самашев, А.К. Айткали, Е. Толегенов

В статье авторами приводятся результаты археологических исследований, произведенных на культово-мемориальном комплексе Елеке сазы. Памятник является единственным известным на сегодняшний день древнетюркским культово-мемориальным сооружением «каганско-княжеского» облика в Казахстане. Среди найденных в храме вещей выделяются образцы художественного творения древнетюркских мастеров-торевтов, в частности, элементы наборного пояса, которые определены как высшие знаки отличия и символы власти представителя элиты. Подробно описана жанровая композиция на лицевой поверхности двух золотых бляшек наборного пояса, а именно, коронованная персона на зооморфном троне в канонической позе в сопровождении коленапоклоненных слуг. Кроме того, по отдельности рассматриваются атрибуты и элементы костюма персонажа. Особое внимание уделено трону, кубку, сложносоставной короне и двум ниспадающим с нее лентам. В целом, изображения на двух накладных бляшках трактуются как образы «великого кагана» из рода ашина. Рассматриваемые бляшки с изображением кагана, не находят точных аналогии в материалах средневековых памятников Евразийских степей и могут быть датированы периодом ранних тюрков. Опубликованные материалы дополняют наши представления о материальной и художественной культуре населения древнетюркской эпохи.

Ключевые слова: археология, древнетюркская культура, Восточный Казахстан, Тарбагатайский район, Елеке сазы, культово-поминальный комплекс, художественные творения, парадный пояс, изображение кагана, трон, корона.

Введение

В настоящей работе публикуются материалы, полученные Тарбагатайской археологической экспедицией под руководством д.и.н. З. Самашева в 2021 г. при исследовании культово-мемориального комплекса древнетюркского времени Елеке сазы (рис. 1). Памятник расположен на территории Тарбагатайского района Восточно-Казахстанской области, в 95 км к юго-юго-западу от поселка Аксуат, на третьей надпойменной террасе правого берега реки Каргыба, на восточном участке могильного поля.

Исследуемый памятник по своим характеристикам полностью соответствует статусу так называемых «каганско-княжеских» (по терминологии В.Е. Войтова), обозначенных в древнетюркских письменных источниках как *baγq* (Древнетюркский словарь, 1969, с. 84). Они маркировали сакрализованное пространство древ-

нетюркского эля (*qoγuγ* «коруг», т. е. оберегать, заповедное место) и связаны в первую очередь с обожествлением образа умершего кагана (Войтов, 1996, с. 76–79).

При анализе и интерпретации материала использованы прежде всего традиционные археологические способы изучения, в числе которых описание, картографирование, анализ планиграфии памятника, метод аналогий, элементы сравнительно-типологического анализа. Кроме того, в работе реализован междисциплинарный подход, выраженный в использовании результатов исследования археологического материала при помощи спектрального анализа.

В целом исследование основано на изобразительном материале, который происходит с территории распространения раннесредневековой тюркской культуры. Поэтому для сравнения привлекаются и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, в рамках проекта: AP09260487 «Древнетюркский культурный комплекс Восточного Казахстана: истоки и трансформация»

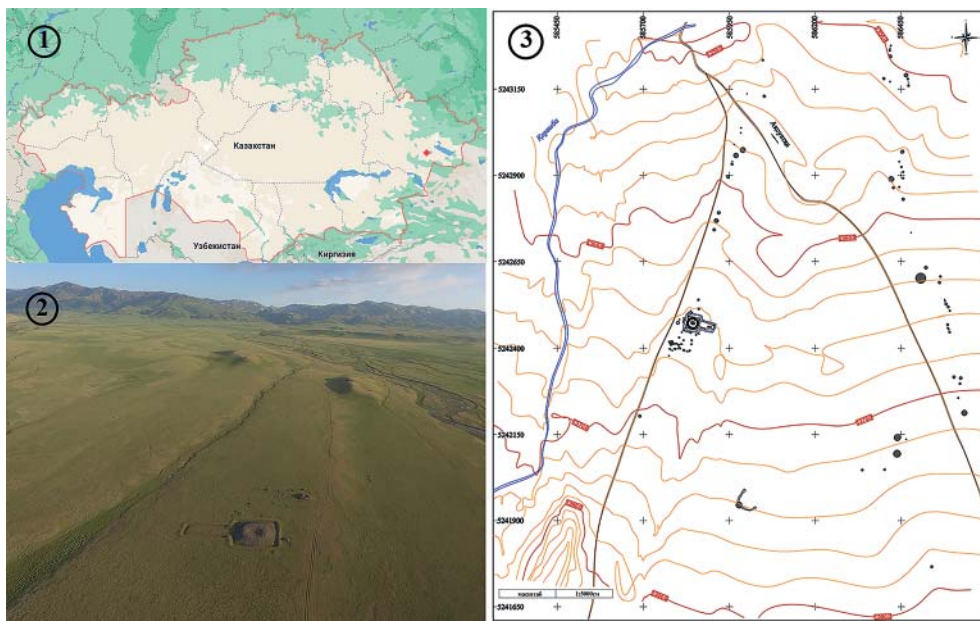

Рис. 1. Локализация памятника: 1 – расположение памятника на карте Казахстана; 2 – месторасположение памятника в долине Елеке сазы; 3 – расположение памятника на топографическом плане.

Fig. 1. Localization of the monument: 1 – map of the location of the monument; 2 – location of the monument in the Elek sazy valley; 3 – the location of the monument on the topographic plan.

материалы с сопредельных территорий.

Характеристика комплекса. Елексазинский комплекс состоит из двудеиного каменно-земляного сооружения. Центральный элемент – храм подквадратной в плане формы, и примыкает к нему с восточной стороны сложносоставной «коридор», как выяснилось позже, с лабиринтом (рис. 2). Общая длина комплекса по направлению восток – запад составляет 90 м, максимальная ширина – 51 м.

Из этого комплекса происходит каменная статуя, квалифицируемая как каганская (рис. 3). Подобные древнетюркские скульптуры преимущественно обнаружены на территории Северной Монголии и в других регионах расселения средневековых древнетюркских народов (Самашев, 2012, с. 400–419).

Памятник представляет интерес для исследования как религиозно-иде-

ологических явлений, так и технико-технологических аспектов архитектурного искусства древнетюркского общества. Сравнительно-историческое изучение архитектуры Елексазинского комплекса позволит определить его место в системе памятников, возникновение которых тесно связано с этнокультурными и этнополитическими событиями в Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья. Возникновение культово-поминального комплекса на Тарбагатае отражает некоторые этносоциокультурные процессы в центре Азии, связанные с выходом на историческую арену древних тюрков (Кляшторный, Савинов, 2005, с. 74, 87).

Комплекс планиграфически и по некоторым другим параметрам сопоставим с «каганско-княжескими» культово-мемориальными памятниками на Орхоне, наиболее известные из которых возникли в период суще-

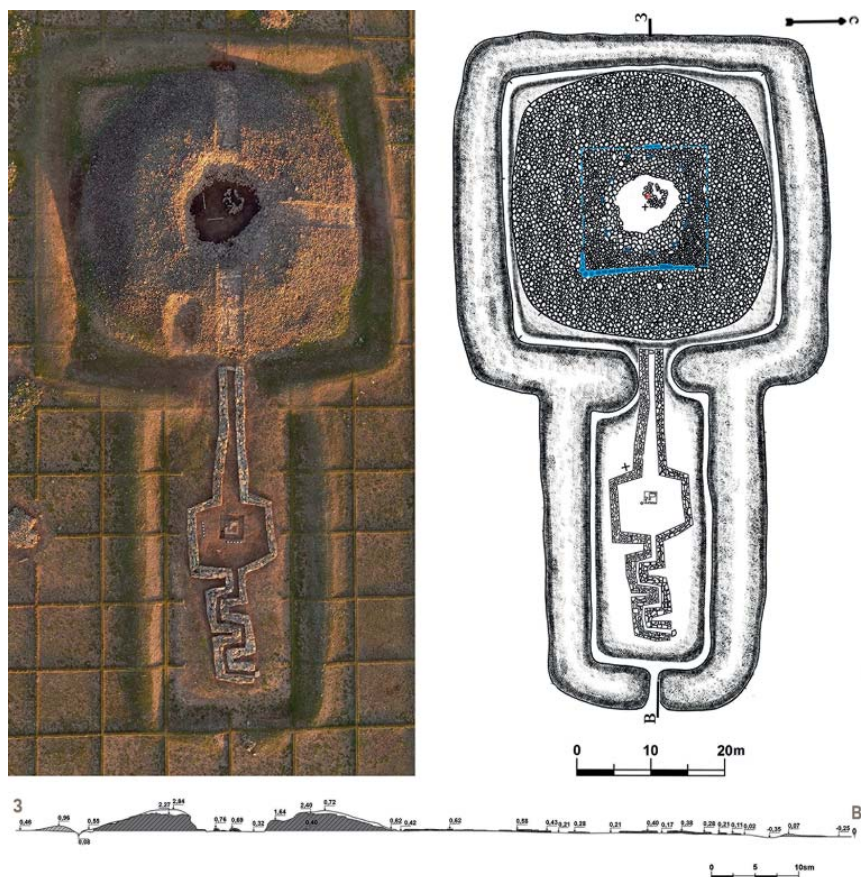

Рис. 2. План и профиль памятника.
Fig. 2. Plan and profile of the monument.

ствования Второго Тюркского каганата (в честь Кюльтегина – в 731 г., Бильге кагана – в 734 г., и других). В это время тюркская империя находилась в тесных военно-политических, этнокультурных отношениях с Танским Китаем, что являлось фактором культурного взаимопроникновения (Шефер, 1981; Хаславская, 2000, с. 189–195). Однако наибольшую близость он обнаруживает с памятником на горе Шивээт улаан в Центральной Монголии, возведенным в честь основателя Второй Тюркской империи Елтерис кагана предположительно в 693 г. (Самашев и др., 2016). Некоторые исследователи ему приписывают также Онгинский комплекс (Малов, 1959, с. 7; Максуди, 2002).

В то же время некоторые элементы конструкции Елекесазинского комплекса отличаются от «классических» барьков, где отсутствуют лабиринты-коридоры. В подобных памятниках устанавливается большое количество скульптурных изображений представителей различных социальных групп общества, зооморфные и полиморфные статуи с охранительными и иными символическими функциями. Считается, что такие комплексы символизируют структуру государственного устройства каганата.

Анализ и обсуждение. Основная масса вещей найдена внутри каменной ограды на дне храма, вперемешку с золой и мельчайшими кальцинированными костями и камнями

Рис. 3. Статуя кагана из Елеке сазы.

Fig. 3. Statue of a khagan from Eleke sazy.

(рис. 4). Это фрагментированные и целые предметы из золота, серебра, железа и кости. Среди них выделяются элитные и рядовые типы вещей, другие трудноопределимы. Вероятно, часть из них принадлежала умершему кагану, а другая оставлена участниками акта сожжения покойного как свидетельство сопричастности к таинству прохода его бессмертной души в инобытие (в качестве воина, соратника?). С данными представлениями вероятно связаны найденные на разных участках дна храма преднамеренно закопанные наборы вещей – приклады.

Из числа находок в пределах ограды отметим две золотые (рис. 5: 1–2) и одну серебряную пряжки (рис. 5: 3), орнаментированные геометризированными узорами накладки (рис. 5: 4–23). Изображенная на накладках четырехлепестковая розетка с акцентированно большим кругом в центре является излюбленным мотивом украшений поверхностей различных предметов с древнейших времен до наших дней (Стюарт, 2020, с. 71–88). Украшения сердцевидной формы известны и по материалам сросткинской культуры (Горбунов и др., 2020, с. 246).

Золотые украшения, найденные внутри ограды на месте сожжения, относятся к комплектам наборных поясов. С учетом неординарных изображений на двух накладных бляшках, предположительно «великого кагана» (или каганов) из рода Ашина, следует определить наборные пояса как высшие знаки отличия и символы власти (Добжанский, 1990, с. 45–80).

Кроме того, интерес представляют маленькие сердцевидные поясные бляшки, оформление лицевых сторон которых вызывает ассоциации с головой барана. Похожие элементы зооморфизма присутствуют, например, на поясной гарнитуре из погребения Юстыд XXIV на Алтае (Кубарев, 2005, с. 50).

Далее рассмотрим подробнее изображения на накладных бляшках для подвески.

Первая бляшка для подвесного ремня. Состояние бляшки, найденной на месте сожжения под крупным окатанным камнем, в целом удовлетворительное (рис. 6). Она состоит из (лицевой) накладки-оправы для подвесного ремня с рельефными изображениями, зажимной пластины, с оборотной стороны точно повторяющей ее контуры, гвоздей, с помощью ко-

Таблица 1

Результаты спектрального анализа золотых бляшек с изображением кагана

Предмет	Элемент	%
Бляшка-1	Au	95.6960
	Ag	1.9258
	Zn	1.0791
	Mg	0.5926
	Pd	0.4002
	Cu	0.2996
Бляшка-2	Au	95.6417
	Ag	1.9662
	Zn	1.1555
	Mg	0.7312
	Pd	0.3278
	Cu	0.1778
	Ag	6.3342
	Fe	0.5511
	Pd	0.4784
Cu	0.2527	

Примечание: выполнил оператор А. Садиебеков, Восточно-Казахстанский технический университет, Усть-Каменогорск, Казахстан.

торых прикрепляли изделие к полосе кожаного ремня.

Само изделие кроме золота включает в свой состав серебро, цинк, магний, свинец и немного меди (результаты спектрального анализа (табл. 1). Гвозди, что очень интересно, кроме золота содержат много серебра и цинка. Последний значительно облегчает плавку металла (Кубарев, 2005, с. 53).

Общие контуры изделия сохранились неплохо, однако на лицевой части между изображениями трона и фигурой слуги слева образовалось повреждение, видимо, за счет сильно направленного огня, в виде расплавленного углубления с небольшим отверстием. Бляшка имеет сегментовидное (портальное) очертание, края оформлены девятью лепестковидными выступами-фестонами с едва загнутыми в лицевую сторону тонкими бортиками. Длина – 3 см, ширина – 3,7 см, толщина – 0,3 см.

Верхние пять выступов-лепестков образуют некий «облачный» фон, напоминающий спинку трона с волнистыми контурами, украшенного

растительными узорами в виде свисающих листьев и круглых плодов.

Два нижних боковых выступа преднамеренно выполнены заметно шире, чтобы на нем поместить изображения фигур еще двух персон, сидящих на коленях, очевидно, придворных или слуг.

В нижней части изделия имеется овально вытянутое отверстие – прорез с закругленными углами для подвесного ремня, со слабым бортиком и треугольным выступом посередине. Прорез имеет, как и некоторые образцы, в середине верхней части так называемый «мысок» (Распопова, 1980, с. 89). Последний элемент как бы завершает снизу вертикальную ось симметрии, идущую от «облака-лепестка» над короной кагана и завершающуюся на точке снизу, где соприкасаются пятки ног сидящего на троне персонажа.

На оборотной стороне изделия сохранились частично расплавленная огнем пластина для зажима кожаного ремня и золотые гвоздики-шпеньки, предназначенные для крепления бляшки к ремню. Архитектоника из-

Рис. 4. Место, где совершалась кремация и обряд подношения.

Fig. 4. The place where the cremation and rite of offering took place.

делия проработана очень тщательно и строго подчинена основной задаче – изобразить на ограниченной поверхности прокламативный сюжет, наглядно раскрывающий сакральную природу власти в древнетюркском обществе через лаконичный, но строго реалистичный образ коронованного государя, величаво восседающего на троне в канонизированной позе и в окружении подданных или слуг.

Изделия можно рассматривать с искусствоведческих позиции как произведения тюревтики малых форм с оригинальным антропоморфным декором (Король, 2008, с. 73). Далее рассмотрим атрибуты и элементы костюма персонажа по отдельности и жанровую композицию, изображенную на лицевой поверхности изделия.

На голове кагана изображена сложносоставная корона – атрибут, являющийся сакральным символом легитимности и божественного происхождения неограниченной власти повелителя. В деле сакрализации власти у древних тюрков (равно как у многих других народов) короне как символу организованного по осям пространства принадлежит особая роль, поскольку она зримо выражает идею божественной воли, ниспослан-

ного сверху права ее обладателю повелевать живущими на «бурой» земле.

На лобовой части короны расположен основной вертикальный щит с аркообразно закругленным верхом. Именно этот элемент является носителем основной семантической нагрузки и, возможно, был украшен ступенчатыми или лепесткообразными внешними выступами. В силу того, что изделие подверглось сильному воздействию огня, многие детали оказались расплавленными. Однако, судя по традиционной для древнетюркской элиты символике, можно предположить, что передний щит мог быть украшен эмблемой в виде объемной фигуры птицы – феникса.

По бокам расположены два закругленных сверху зубца, заметно наклоненных в наружные стороны. Эти элементы обычно прикрепляются к широкой горизонтальной пластинчатой основе короны, которые во многих случаях богато инкрустируются и дополняются треугольными зубцами или бордюрными обрамлениями. Отличительной особенностью короны, изображенной на голове кагана, является то, что четвертый расположенный на задней части лепесткообразный щит значительно превосходит по размерам все остальные,

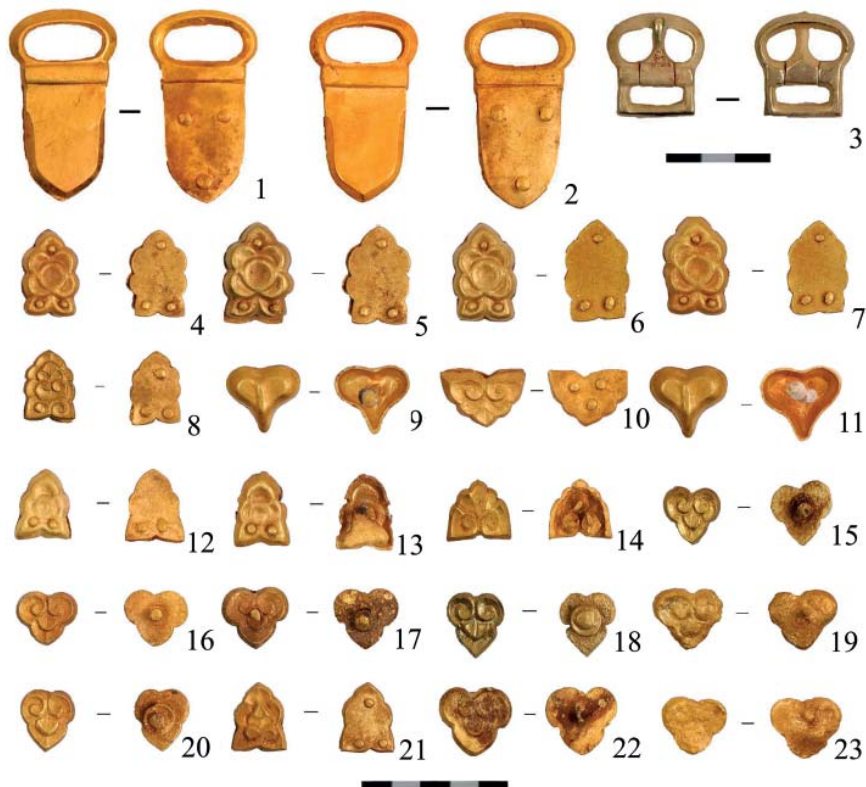

Рис. 5. Составные части наборного пояса: 1–3 – пряжки; 4–23 – бляшки.

Fig. 5. Components of the belt: 1–3 – buckles; 4–23 – plaques.

что придает данному сакральному атрибуту власти конструктивное своеобразие и особую семантическую значимость.

По сторонам короны показаны две ниспадающие ленты, которые создают вокруг головы кагана и до уровня груди симметричную окружную фигуру, а их раздвоенные и заостренные концы, проходя под плечевым изгибом, направлены вверх.

Включение ленточного элемента в качестве важного компонента церемониального облачения при создании иконического образа древнетюркского кагана придает анализируемой жанровой композиции особенный колорит. В то же время ясно, что это не заурядный декор, усиливающий орнаментальное поле, а важнейший носитель сакрального смысла, связан-

ного с правом на верховную власть, даруемую небом.

В этой связи интересным представляется зафиксированный в письменных источниках миф о сдавливании горла шелковой тканью во время интронизации претендента на престол (Бичурин, 1950, с. 229), т. е. включение в официальную эмблему государя такого элемента не носит сугубо декоративный характер, а имеет глубокий смысл, порожденный самой идеей о божественном происхождении самой власти и сложившимися в древнетюркском обществе способами ее сакрализации. Если обряд символического удушения (лентой!) будущего повелителя и последующее обожествление его образа действительно имело место в древнетюркском обществе, то он мог быть заимствован из типо-

Рис. 6. Золотая бляшка-1 с изображением коронованного кагана на троне (фото Н. Постникова)

Fig. 6. The first plaque from a type-setting belt with the image of a crowned khagan on the throne (photo by N. Postnikov)

логически близкого обряда избранничества в шаманстве. Изображение ленты вокруг головы в виде некоего ореола придает композиции на бляшке из Елеке сазы на Тарбагатае особую торжественность и в то же время подчеркивает небесное происхождение тюркского императора с эпитетом «небоподобный, небожденный».

Не исключено, что фигурно оформленная лента, пропущенная под подмышками кагана, скорее всего, кодифицирует явления в религиозно-мифологической системе древних тюрков, испытавших на этом этапе своего развития сильное влияние манихейского религиозно-философского учения и поднявшегося в ряде регионов тюркского мира на уровень государственной религии (Нуржанов, Терновая, 2020, с. 103; Стеблева, 1972, с. 213–220; Кызласов, 1999, с. 10–41).

Манера пропускать специальную цветную ленту через плечевой изгиб рук была характерна, судя по сюжетам настенных росписей Восточного Туркестана, для изображений божеств манихейского пантеона. Изображение

древнетюркского кагана с такой символикой и в специфической иконографической манере церковной росписи уподобляет его манихейскому Верховному божеству.

Далее из предметных изображений отметим кубок для традиционного священного напитка в правой руке. Аналогичной формы сосуд известен в составе сокровища Бильге кагана.

Наиболее интересный элемент всей жанровой композиции – трон. Древнетюркский император показан сидящим на троне, который является одним из главных атрибутов и символов его неограниченной сакральной власти.

С особой тщательностью выполнена вся передняя часть коня: голова, шея, грудь, передние ноги. Головы животных с острыми ушами показаны посаженными на изящные шеи с гривами; они направлены не вперед, как у типичных подлокотников, а в противоположные стороны. Поэтому эти скульптурные изображения квалифицировать как подлокотники, видимо, не следует. Возможно, ос-

Рис. 7. Золотая бляшка-2 с изображением коронованного кагана на троне (фото Н. Постникова)

Fig. 7. The second plaque from a type-setting belt with the image of a crowned khagan on the throne (photo by N. Postnikov)

нову данного типа трона составляют соединенные по горизонтали скульптуры передних частей животных (лошадь, олень, баран и др.). В таком варианте само сидение покрывается шкурой зверя (возможно, барса, тигра).

На бляшке из Елеке сазы трон тюркского императора изображен без спинки. Такие троны могли быть использованы в походных условиях и при проведении важных государственных мероприятий в ставках. Укажем на изображение аналогичного типа трона (со скульптурами передней части оленя с передними ногами копытцами) с накинутым на поверхность ковром на стеле Мунгут-хяса в Западной Монголии, впервые изученное Г.Н. Потаниным в 1876–1877 гг., заново скопированное Д. Баяром в 1996 г. (Баяр, 2007, с. 63–76).

Изображение из Монголии, возможно, демонстрирует особый (походный?) вариант зооморфного типа трона без спинки. Можно было бы допустить, что ювелир на ограниченной поверхности изделия в целях оптими-

зации решил совместить изображение спинки трона с общей конфигурацией подвесной бляшки и что из-за трудности показать объемные подлокотники в перспективе мог развернуть скульптурные головы лошадей в профиль, в противоположные стороны. Однако более вероятным представляется то, что такие троны изначально не имели спинок, характерных для дворцовых приемов.

Следует заметить, что атрибутика власти, в которой важное место принадлежит трону и короне тюркского императора, слабо освещена в научной литературе, поскольку ученые оперировали лишь данными письменных источников из-за малочисленности или отсутствия их материализованных остатков или изображений. В древнетюркском тексте сказано, что «...по воле тюркского Неба и тюркской священной Родины я стал ханом; когда я стал ханом, то тюркские беги и народ, опечаленные, что они должны были умереть, (теперь) радуясь смотрели кверху (на трон) спокойными глазами. Когда я сам воссел на трон,

то я стал осуществлять столь крепкую власть (над народами), жившими по четырем углам (т. е. по странам света)» (Малов, 1959, с. 20).

Из предметных изображений на этой бляшке отметим блюда в руках коленопреклоненных слуг в нижней части композиции. Заметим, что такие блюда имеются в составеклада из кульгово-мемориального комплекса Бильге кагана.

Вернемся к образу самого кагана, изображенному на лицевой поверхности подвески-бляшки от парадного пояса. Под короной просматриваются плотно заплетенные в косички волосы, которые падают на плечи. Заметно, что лицо кагана изначально было проработано очень тщательно с подчеркиванием его индивидуальных черт, но в результате воздействия сильного огня на поверхность изделия облик серьезно потускнел. В верхней части изображения можно увидеть слабые следы традиционного треугольного лацкана халата, также на поясе слабо просматриваются следы ремня и складок одежды. Ближе к коленям будто бы просматриваются раздвоенные полы халата. Явных признаков изображений оружия нет.

На бляшке зафиксирована каноническая поза властителя, выработанная для зримого восприятия его образа во время официальных приемов и иных церемоний. Особую выразительность и некоторую суровость динамичной фигуре повелителя придают положение согнутой в локтевом суставе левой руки, которая покоится на бедре и резко раздвинутые в стороны колени. Складки выпущенных поверх голенища сапог брюк также усиливают восприятие благородного образа «небесного» кагана.

Образец роскошных парадных брюк с великолепными узорами и не заправленных в сапоги показан на скульптурном изображении персонажа из кульгово-мемориального ком-

плекса на горе Шивэт уул на Орхоне, но особенно наглядно, с глубокими складками – на статуе из Огомора в Монголии. Вероятно, прототипами таких брюк являлись легкие широкие шаровары из шелковой ткани.

Вторая бляшка с изображением аналогичной композиции сильно повреждена – одна треть ее левой стороны расплавлена огнем и в результате полностью исчезли скульптурная голова лошади от трона и фигура коленопреклоненного персонажа с блюдом в руках, а также раздвоенные концы лент (рис. 7).

Однако на этой бляшке лучше сохранилось изображение трехрогой короны на голове кагана, которая имеет несколько иные конструктивные решения, нежели у персонажа, запечатленного на первой бляшке. Здесь лучше видны очертания лица, брови и глаз, но основание носа и подборок немного расплывчаты. Четко видны свисающие с головы до плеч волосы и местами закрученные фрагменты косичек. Ступни ног кагана показаны направленными в противоположные стороны, на рисунке четко просматриваются высокие каблуки и слегка заостренные носки обуви. Едва приподнятые носки сапог будто бы упираются с обеих сторон на опущенные концы шкур зверей, которыми покрыта поверхность седловины зооморфного трона.

Фигуры двух слуг (символы «кара будуна»?), помещенные в нижней части композиции и по сторонам отверстия для ремня, наглядно демонстрируют эпизод придворной церемонии подношения повелителю, сидя на одном колене, важного содержимого на блюде. Изображение облика коронованного кагана на троне и коленопреклоненных людей, возможно, являлось общеимперским символом. Можно предположить, что такую эмблему обязаны были иметь при себе высшие титулованные лица государ-

ства в той или иной форме (медальон на шее, на груди, перстень, наборный пояс и т. д.).

Наборный пояс с изображениями «великих каганов», вероятно, являлся инвестируемым предметом, получаемым младшими каганами при вступлении в должность (кагана удела) из рук повелителя Он ок эли. Ставка последнего, вероятно, находилась в Суябе и на Мынбулаке (Цянь-цюань), в районе Тараза или Мерке, после переноса его каганом Тун Шеху (Тон-ябгу) (Бичурин, 1950, с. 283, 284).

Интересно, что при разделении империи на десять уделов Шаболио Хилаши каган дал каждому шаду-правителю в качестве символа власти по одной (возможно, золотой?) стреле, и отсюда китайское название «десять Ше» (Бичурин, 1950, с. 286), т. е. «страна десяти стрел» (Кычанов, 2010, с. 128). Следовательно, можно допустить, что в качестве символа власти удельные правители ябгу, шад (анализ титулатуры см.: Кюнер, 1961, с. 327, 328; Кубатин, 2016) могли получить из рук императора Он ок эли, кроме золотой стрелы, и золотой пояс с изображениями великих каганов из дома Ашина (или с собственным изображением?).

Добавим, что монетная чеканка некоторых правителей *Он ок эли* (преимущественно в областях Среднеазиатского Междуречья) от собственного имени и с изображениями позволяет предполагать возможность

изготовления подобного рода продукции в государстве, при наличии политической воли. На монете одного из самых ярких правителей *Он ок эли*, упомянутого выше Тун ябгу, имелось оригинальное изображение, которое интерпретируется Г. Бабаяровым как «Божественный Тун джабгу-каган», что очень важно и для анализа иконографии Елекесазинских каганских изображений на зооморфном троне (Бабаяров, Кубатин, 2014, с. 62–69; Тишин, 2021, с. 140–144).

Заключение.

Вопрос, какие исторические личности изображены на золотых бляшках наборного пояса из Елеке сазы, пока остается открытым. Можно предположить, что изображены личности, божественный образ которых, безусловно, признавался и почитался во всем древнетюркском мире. Таковыми могли быть основатели Великого тюркского каганата Бумын или Ту-мэнь и-ли кэ-хань (Тишин, 2019, с. 133) и Мухань каган (552–572), при последнем тюрки достигли максимального могущества своего объединения (Ганиев, 2017, с. 189). Вместе с тем наравне с Бумын-каганом как один из основателей государства назван Истеми (Дизабул) ябгу-каган (умер в 575 году), который считался «каганом десяти племен» (Малов, 1951, с. 36; Кляшторный, 2005, с. 93), иконографический образ которого также мог быть запечатлен на нашем инвестируемом предмете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаяров Г., Кубатин А. Очерки по истории нумизматики Западно-Тюркского каганата. Saarbrücken: Lap Lambert, 2014. 190 с.
2. Баяр Д. Уникальный памятник древнетюркского искусства в Западной Монголии // Тюркологический сборник-2006. М.: Восточная литература, 2007. С. 63–76.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: АН СССР, 1950. 382 с.
4. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.
5. Ганиев Р.Т. Политика первых каганов и возвышение тюрков в Центральной Азии (534–572 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1. С. 189–201.

6. Горбунов В.В., Тишкин А.А., Семибратов В.П. Воинский комплекс сrostкинской культуры из пос. Горный в северных предгорьях Алтая // Археология Евразийских степей. 2020. № 6. С. 234–247.

7. Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Новосибирский университет, 1990. 164 с.

8. Древнетюркский словарь / Отв. ред. В.М. Наделяев и др. Л.: Наука, 1969. 715 с.

9. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

10. Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки / Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. V. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.

11. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

12. Кубатин А.В. Система титулов в тюркском каганате: генезис и преемственность. Ташкент: Yangi nashr, 2016. 192 с.

13. Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии / Открытие государственной религии древних хакасов. Манихейский семинар. Вып. 1. М.-Абакан: Университетская библиотека, 1999. С. 10–41.

14. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.

15. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 1961. 392 с.

16. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л.: АН СССР, 1951. 92 с.

17. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.: АН СССР, 1959. 112 с.

18. Нуржанов А.А., Терновая Г.А. К вопросу о распространении и влиянии ислама в городах юго-западного Жетысу во второй половине VIII–XII вв. (по материалам археологии) // Поволжская археология. 2020. № 4 (34). С. 99–112.

19. Распопова В.Д. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 136 с.

20. Максуди С.А. Тюркская история и право. Казань: Фан, 2002. 412 с.

21. Самашев З. Древнетюркские каменные статуи в контексте ритуала // Turkic World Almanac / Отв. ред. Ш. Ибраев. Astana: Фолиант, 2012. С. 400–419.

22. Самашев З., Цэвэндорж Д., Онгарулы А., Чотбаев А. Древнетюркский культовомемориальный комплекс Шивээт Улаан. Астана: Филиал института археологии, 2016. 272 с.

23. Стеблева И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1971 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука, 1972. С. 213–226.

24. Стюарт Ч.Э. Четырехлепестковая миндалевидная розетка в Центральной Азии // Вестник международного института центральноазиатских исследований. 2020. Вып. 30. С. 71–88.

25. Тишин В.В. Фрагмент китайского источника о тюркской титулатуре (перевод и комментарий) // Восток (Oriens). 2019. № 3. С. 130–150.

26. Тишин В.В. Некоторые вопросы изучения погребальной обрядности кочевников древнетюркского круга: новые решения в свете письменных источников // Altaistics, Turcology, Mongolistics. 2021. № 3. С. 22–63.

27. Хаславская Л.М. О некоторых аспектах этнокультурных контактов кочевников Южной Сибири с Китаем // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 189–195.

28. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Наука, 1981. 608 с.

Информация об авторах:

Самашев Зайнолла Самашевич, доктор исторических наук, профессор, Казахский Национальный университет имени Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); archaeology_kz@mail.ru

Айткали Азат Калыулы, доктор Ph.D, директор, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Нур-Султан, Республика Казахстан); Старший преподаватель, Казахский Национальный университет имени Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан); azza_semsk@mail.ru

Толегенов Ерлик, магистр, научный сотрудник, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Берел» (Усть-Каменогорск, Казахстан); yerlik_t@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE SACRALIZATION OF THE IMAGE OF THE KAGAN

Z.S. Samashev, A.K. Aitkali, Ye. Tolegenov

The article refers to the archaeological research carried out at the memorial complex Eleke sazy. The monument is the only known to date ancient Turkic memorial structure of the khagan appearance in Kazakhstan. Among the things found in the temple, samples of the artistic creation of the ancient Turkic masters stand out. The authors especially note the elements of the type-setting belt, which are defined as the highest insignia and symbols of power of the elite. The genre composition on the front surface of two gold plaques of a type-setting belt is described in detail. They depict a crowned character on a zoomorphic throne, accompanied by servants. The attributes and elements of the character's costume are considered separately. Particular attention is paid to the throne, goblet, composite crown and two ribbons. In general, the images on two overlaid plaques are interpreted as the image of the "Great Khagan" from the Ashina clan.

Keywords: archeology, ancient Turkic culture, East Kazakhstan, Tarbagatai region, Eleke sazy, memorial complex, works of art, parade belt, images of the khagan, throne, crown.

REFERENCES

1. Babayarov, G., Kubatin, A. 2014. *Ocherki po istorii numizmatiki Zapadno-Tyurkskogo kaganata (Essays on the history of numismatics of the Western Turkic Khaganate)*. Saardbrucken: "Lap Lambert" Publ. (in Russian).
2. Bayar, D. 2007. In Kliashtorny, S. G. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 2006 (Collected Papers on Turkic Studies 2006)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 63–76 (in Russian).
3. Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena (The collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times)*. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
4. Voitov, V. E. 1996. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovopominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv. (Antient Turkic Panteon and Model of the Universe in Cult and Memorial Monuments of Mongolia)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).
5. Ganiyev, R. T. 2017. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* 1. 189–201 (in Russian).
6. Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. 2020. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 234–247 (in Russian).
7. Dobzhanskiy, V. N. 1990. *Nabornye poyasa kochevnikov Azii (Typesetting belts of the nomads of Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ. (in Russian).
8. In Nadelyaev, V. M. et al (eds.). 1969. *Drevnetiurkskiy slovar' (Old Turkic Dictionary)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
9. Kliashtorny, S. G., Savinov, D. G. 2005. *Stepnye imperii drevney Evrazii (The Empires of the Steppes of Ancient Eurasia)*. St.-Petersburg: St. Petersburg State University (in Russian).
10. Korol', G. G. 2008. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki (The Art of the Medieval Eurasian Nomads. Essays)*. Series: Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva (Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers) V. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ. (in Russian).
11. Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaia (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Monuments))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

The work was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, within the framework of the project: AP09260487 "Ancient Turkic cultural complex of East Kazakhstan: origins and transformation"

12. Kubatin, A. V. 2016. *Sistema titulov v tyurkskom kaganate: genezis i preemstvennost'* (Title system in the Turkic Khaganate: genesis and succession). Tashkent: "Yangi nashr" Publ. (in Russian).
13. Kyzlasov, L. R. 1999. In *Otkrytie gosudarstvennoy religii drevnikh khakasov. Manikheyskiy seminar* (Discovery of the state religion of the ancient Khakas people. Manichean seminar) 1. Moscow-Abakan: "Universitetskaya biblioteka" Publ., 10–41 (in Russian).
14. Kychanov, E. I. 2010. *Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov)*. The History of the Ancient and Medieval States Adjacent to China (from the Huns to the Manchu). St.-Petersburg: "Peterburgskoye lingvisticheskoye obshchestvo" Publ. (in Russian).
15. Kyuner, N. V. 1961. *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* (Chinese reports about the peoples of South Siberia, Central Asia and the Far East). M.: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).
16. Malov, S. E. 1951. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti. Teksty i issledovaniya* (Monuments of ancient turkic writing. Texts and studies). Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
17. Malov, S. E. 1959. *Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti Mongolii i Kirgizii* (Monuments of ancient turkic writing in Mongolia and Kyrgyzstan). Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
18. Nurzhanov, A. A., Ternovaya, G. A. 2020. In *Povolzhskaya arkhologiya* (The Volga River Region Archaeology), 34 (4), 99–112 (in Russian).
19. Raspopova, V. D. 1980. *Metallicheskie izdeliia rannesrednekovogo Sogda* (Metal Articles of Early Medieval Sogd). Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
20. Maksudi, S. A. 2002. *Tyurkskaya istoriya i pravo* (Turkic history and law). Kazan: "Fan" Publ. (in Russian).
21. Samashev, Z. 2012. In Ibraev, Sh. (ed.). *Turkic World Almanac*. Astana: "Foliant" Publ., 400–419 (in Russian).
22. Samashev Z., Tseveendorzh D., Ongaruly A., Chotbaev Ch. *Drevnetyurkskiy kul'tovopominal'nyy kompleks Shiveet ulaan* (Ancient Turkic Cult-Memorial Complex Shivet Ulaan). Astana: "Filiial instituta arkhologii" Publ. (in Russian).
23. Stebleva, I. V. 1972. In Kononov, A. N. (ed.). *Tiurkologicheskii sbornik 1971: (Collected Papers on Turkic Studies 1971)*. Moscow: "Nauka" Publ., 213–226 (in Russian).
24. Styuart, Ch. E. 2020. In *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta tsentral'noaziatskikh issledovaniy* (Bulletin of the International Institute for Central Asian Studies) 30, 71–88 (in Russian).
25. Tishin, V. V. 2019. In *Vostok (Oriens)* (3), 130–150 (in Russian).
26. Tishin, V. V. 2021. In *Altaistics, Turcology, Mongolistics* (3), 22–63 (in Russian).
27. Khaslavskaya, L. M. 2000. In Molodin, V. I. (ed.). *Pamyatniki drevnetyurkskoi kul'tury v Saiano-Altai i Tsentral'noi Azii* (Monuments of Ancient Turkic Culture in Sayano-Altai and Central Asia). Novosibirsk: Novosibirsk State University, 189–195 (in Russian).
28. Shefer, E. 1981. *Zolotyie persiki Samarkanda. Kniga o chuzhezemnykh dikovinakh v imperii Tan* (The Golden Peaches of Samarkand). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Samashev Zainolla S. Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakh National University named after Al-Farabi. Al-Farabi St., 71, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan, archaeology_kz@mail.ru

Aitkali Azat K. Ph.D., Director, Branch of the Institute of Archeology named after A.Kh. Margulan. Beibitshilik St., 25, Nur-Sultan, 010000, Republic of Kazakhstan; Kazakh National University named after Al-Farabi. Al-Farabi St., 71, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan, azza_semsk@mail.ru

Tolegenov Yerlik, Master, Researcher, Berel State Historical and Cultural Museum. Kaisenova St. 40, Ust-Kamenogorsk, 070000, Republic of Kazakhstan, yerlik_t@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2022 г.